

DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-267-280

С. В. Ионова¹*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина***М. Ю. Петрова²***ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр»*

СЕТЕВЫЕ ФОРМЫ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КИБЕРБУЛЛИНГ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ САМОВЫРАЖЕНИЕ

В данной статье на материале сетевого общения противников и сторонников вакцинации от COVID-19 в сети Instagram анализируются ситуации межличностного конфликтного взаимодействия. Демонстрируется, что его специфика обусловлена сокращенным сценарием конфликта, который представлен только его кульминационной стадией. В статье дифференцируются эмоциональные явления направленного и ненаправленного типов, выделяются тактики кибербуллинга как направленного агрессивного речевого поведения в сетевом общении.

Ключевые слова: сетевая коммуникация, межличностная коммуникация, конфликтное общение, стадии конфликта, кибербуллинг, речевая тактика, эмоциональная коммуникация.

S. V. Ionova*Pushkin State Russian Language Institute***M. Yu. Petrova***Moscow State Research Center*

NETWORK FORMS OF CONFLICT COMMUNICATION: CYBERBULLING AND EMOTIONAL SELF-EXPRESSION

The article analyses some situations of interpersonal conflict based on the Instagram communication of opponents and supporters of COVID-19 vaccination. It is shown that it has special features due to the reduced scenario of the conflict, which is represented only by its culmination stage. The article differentiates the directed and undirected types of emotional phenomena, highlights the tactics of cyberbullying as directed aggressive speech behavior in web communication.

Key words: web communication, interpersonal communication, conflict communication, stages of conflict, cyberbullying, speech tactics, emotional communication.

¹ Светлана Валентиновна Ионова – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина; главный эксперт отдела лингвистических экспертных исследований ГБУ г. Москвы «МИЦ»; член международной ассоциации «Applied Linguistics and Psycholinguistics» (ICALP).

² Марина Юрьевна Петрова – заместитель начальника отдела лингвистических экспертных исследований ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» (ГБУ г. Москвы «МИЦ»).

Введение

Современные информационные технологии предоставляют человеку широкие возможности для осуществления дистантного и опосредованного общения, позволяют перейти к моделированию естественной коммуникации во всем многообразии ее жанров и видов. Сетевое общение исследуется на пересечении открытого множества факторов при изначальной включенности человека в социально-культурный контекст цифрового взаимодействия, в котором значительное место занимают конфликтные формы коммуникации.

Распространение конфликтных и агрессивных форм коммуникации в сети во многом обусловлено таким его свойством, как относительная анонимность; невозможность точной идентификации личности раскрепощает коммуникантов, придает им уверенность, позволяет свободно выражать свое мнение, не боясь осуждения или каких-либо иных негативных последствий, создает у них ощущение абсолютной защищенности и безнаказанности. Отмечается, что степень откровенности, цинизма и жестокости в сообщениях прямо коррелирует со степенью анонимности пользователей [Корнев, 2015]. Речевую агрессию в общем виде принято трактовать как «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [Апресян, 2003].

Общению всегда присуща определенная мера агрессии [Фромм, 2004], а в периоды обострения социальных отношений и усиления значимости для человека важнейших витальных ценностей происходит усиление конфликтности, в том числе и путем использования все новых форм ее вербального проявления. В частности, это произошло в период пандемии COVID-19 и борьбы с ней; наиболее заметной особенностью этого периода стало перемещение межличностной коммуникации в интернет-пространство, увеличение доли конфликтных интеракций, поводом для которых стала тема широкого распространения заболевания. По наблюдениям ученых, за это время произошли заметные изменения в структуре человеческого взаимодействия: эпидемия с ее угрозами, тревогами, изоляцией, экономической нестабильностью, потерей уверенности в завтрашнем дне и необходимостью адаптироваться к стремительно меняющимся реалиям значительно спровоцировала враждебность, канализируемую виртуальной средой [Дягилева, 2021; Ефремов, 2021].

В данной статье анализируются ситуации конфликтного взаимодействия на материале сетевого общения противников и сторонников вакцинации от COVID-19, осуществляющегося в сети Instagram. Объектом анализа послужили шесть Instagram-аккаунтов, принадлежащих врачам и ученым медико-биологического профиля (врач-пульмонолог, врач-педиатр, врач-терапевт, биолог, иммунолог, провизор), владельцами которых ведется разъяснительная и просветительская работа о необходимости вакцинироваться против COVID-19, а также ленты комментариев к постам. Все аккаунты являются открытыми и имеют достаточно большое число подписчиков – от 250 000 до 361 000 человек.

Постановка проблемы

Специфика взаимодействия в виртуальном пространстве характеризуется невозможностью непосредственного физического контакта, выдвиганием на первый план психологического и репутационного потенциального вреда, причиняемого преимущественно вербальным способом, а также заменой части реальных действий их знаковыми аналогами. Интернет-среда представляет неограниченное пространство для порождения и реализации многообразных форм речевой агрессии, которая в общем смысле термина трактуется как индивидуальное или коллективное поведение или действие, направленное на нанесение физического или психического вреда либо даже на уничтожение другого человека или группы [Головин, 1998]. В теории коммуникации агрессия рассматривается как вид деструктивного общения, «направленного на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризующегося чувством удовлетворения от страданий жертвы и осознанием собственного превосходства» [Волкова, 2012].

В обобщенном виде такой вид речевого поведения в сети часто обозначают термином *кибербуллинг* (*интернет-травля, кибертравля, кибермоббинг*), который, по нашему мнению, включает в содержание понятия признак преднамеренности, сознательности речевого действия, что характерно для деструктивного общения. Кибербуллинг нередко рассматривается в качестве родового понятия по отношению к другим потенциально конфликтным формам коммуникации, включая такие тактики агрессии в сети, как *флейм* (спор ради спора); *троллинг*; *кибердомогательства*; *киберпреследование* (распространение негативных, порочащих, компрометирующих сведений; кража персональных данных, обнародование нежелательной информации), *«радостное избивание»*; *секстинг* и др. [Abu Bakar, Yusof, Budiman, 2013; Bamford, 2004; Veran, Li, 2005; Hinduja, Patchin, 2006, 2008, 2009]. В его составе рассматривают также *пранкерство, пранк* (анонимный звонок кому-либо с целью привести собеседника в замешательство), *астротурфинг* («наводнение» информационного пространства сообщениями определенного содержания [Василькова, Легостаева, Радусhevский, 2019]), *хейт* (форма межличностной ненависти) [Ефремов, 2020]), *флуд* (однотипные сообщения, затрудняющие коммуникацию) [Лисенкова, 2019]. Авторы других работ определяют кибербуллинг описательно, объясняя его через следующую смешанную классификацию по типу используемого канала, речевого поведения и характеру преобладающих знаков: а) письменно-словесное поведение (телефонные звонки, текстовые сообщения, электронная почта, мгновенные сообщения, чаты, блоги, сообщества социальных сетей, веб-сайты); б) визуальное поведение (публикация, отправка или иное использование компрометирующих изображений и видео через мобильный телефон или Интернет); в) исключение кого-либо из онлайн-группы, сообщества; г) подмена себя другим лицом (кража и раскрытие личной информации с использованием имени и учетной записи другого человека) [Nocentini, Calmaestra, Schultze-Krumbholz, Scheithauer, Ortega, Menesini, 2010].

Таким образом, часть выделяемых форм агрессии в сетевом общении имеет публичный характер и рассчитана на широкое распространение негативной информации об объекте речи. Подобные виды сетевого конфликта, как правило, разворачиваются во времени, имеют соответствующий сценарий, выступают как коммуникативные стратегии, результат подготовленных речевых действий. Иной характер имеют относительно спонтанные виды коммуникации в межличностном сетевом взаимодействии, которые можно рассматривать как аналог реального межличностного общения, имеющий специфические черты: коммуникация ограничена рамками обсуждения проблемы (одного чата или одного комментария); тематически задана; демонстрирует доминирующий очаг возбуждения автора, характерный для кульминационной стадии конфликта; практически не демонстрирует подготовительных стадий, на которых возможно снятие конфликта; предполагает возможность публичного наблюдателя, который рассматривается или не рассматривается в качестве адресата речевых действий.

Целью настоящего исследования является изучение и систематизация речевых тактик межличностной конфликтной коммуникации и вербального проявления речевой агрессии в социальных сетях (в сервисе Instagram) на примере обсуждения проблем, актуальных для периода пандемии и массовой вакцинации против коронавирусной инфекции COVID-19. В связи с этим мы рассматриваем кибербуллинг как деструктивную стратегию сетевой коммуникации, направленную на причинение психологического и (или) репутационного вреда конкретному пользователю или группе пользователей, реализуемую с помощью широкого спектра агрессивных речевых тактик.

Материалом исследования послужила выборка комментариев, отвечающая следующим требованиям: комментарии имеют выраженную позицию автора как противника вакцинации (в тексте транслируется указанная точка зрения); содержат признаки речевой агрессии, эмоционально окрашенные концепты; включают такие речевые акты негативного содержания, как злопожелания, угрозы, общие инвективы; обращены непосредственно к владельцам аккаунтов либо в целом к оппонентам (лицам, выступающим за вакцинацию). В качестве единицы изучения взят конфликтный комментарий – реплика в диалоге / полилоге, заключающая в себе негативное отношение к владельцу аккаунта или другим участникам обсуждения и преследующая одну или несколько из коммуникативных целей:

- 1) ухудшить эмоциональное состояние оппонента;
- 2) дискредитировать оппонента, доказать несостоятельность его как профессионала, а его точку зрения представить как ошибочную; нанести оппоненту репутационный и, следовательно, экономический ущерб;
- 3) переубедить оппонента, заставить его изменить свою точку зрения;
- 4) посредством агрессивного поведения привлечь внимание общественности, самоутвердиться и противопоставить себя остальным.

Отобранные по указанным параметрам комментарии были сгруппированы по уровням, степени и направленности агрессии (общая скрытая агрессия; общая открытая агрессия; лично обращенные угрозы, злопожелания и инвективы). Для каждой группы были выявлены и описаны наиболее характерные речевые тактики.

Результаты исследования

В ходе исследования материала было выявлено, что чаще всего люди, имеющие точку зрения, противоположную декларируемой в посте, «приходят» для участия в обсуждении, желая инициировать конфликт. Они демонстрируют все признаки кульминационной стадии конфликта, при этом его подготовительные стадии оказываются в пресуппозиции [Петрова, 2021]. Анализ кульминационной стадии конфликта, получающий свое проявление в комментариях пользователей, позволил выявить следующие речевые тактики сетевой конфликтной коммуникации:

хейтерство / хейт (hating, hate) – открытая демонстрация ненависти и враждебности к оппоненту; это форма характерна исключительно для анонимной среды Интернета, она предполагает нарушение кооперативных норм общения через использование клеветнических, провокативных, уничижительных, неискренних высказываний и др.;

флуд (flood) – размещение в сетевом пространстве многочисленных однотипных высказываний (в нашем случае – негативного содержания);

троллинг (trolling) – социальная провокация, форма агрессивного и оскорбительного поведения, направленного на стимуляцию негативной эмоциональной реакции у жертвы, а в ряде случаев и на социальную манифестацию агрессора, эпатаж [Внебрачных, 2012];

флейм (flame) – тактика развязывания конфликта ради поддержания самого конфликта; она включает элементы словесной войны, нередко актуализующей персональные оскорбления, угрозы и проч., ориентирована на эскалацию конфликта, связана с использованием эмотивной и обсценной лексики;

астротурфинг – «наводнение» информационного пространства сообщениями определенного содержания.

Выделенные нами формы речевой агрессии в сетевой коммуникации в содержательном плане предполагают выражение позиции, противоположной высказанной оппонентом, негативного отношения к предмету обсуждения и оппоненту; осуждение, осмеяние, иронизирование, дискредитацию, унижение оппонента как способ коммуникативного возвышения над ним. Одной из особенностей структуры рассматриваемых конфликтов является факультативное участие в них «жертвы». В некоторых случаях она выступает равноправным участником конфликтного взаимодействия, в других – травля осуществляется без ее присутствия (например, когда конфликт начался в реальной жизни, и интернет-травля является способом самовыражения агрессора). В этом случае конфликт поддерживается и развивается за счет количественного и качественного нагнетания агрессии.

Значительное место в конфликтной коммуникации занимают эмоционально опосредованные речевые действия, среди которых принципиально различать акты, выражающие направленные и ненаправленные эмоции [Рубинштейн, 1984], учет которых важен для определения коммуникативной цели общения. Ненаправленные эмоции (например, *неудовлетворение; возмущение, ярость, гнев; огорчение, грусть, печаль, скорбь; удрученность, подавленность, уныние, тоска; горе, боль, отчаяние; озабоченность; беспокойство, тревога, страх, испуг, ужас; смущение, неловкость, стыд; сожаление, разочарование; сомнение* и др.) связаны с выражением внутренних состояний адресанта; такое самопозиционирование психологи относят к числу основных потребностей человека и связывают с неизбежным или спонтанным проявлением чувств. Эти высказывания не предполагают предметной отнесенности, а определяются по реакции на эмоционально значимые стимулы. Направленные эмоции (например, *пренебрежение, презрение; недружелюбие; недоброежелательность; отчужденность, холодность; неприязнь, отвращение; ненависть; недоверие, настороженность, подозрительность* и др.) характеризуются такими параметрами, как выражение оценки, отношения к предмету речи и адресату, наличие предмета, на который направлена эмоция, большая доля когнитивной опосредованности, преднамеренности.

В кульминационной стадии конфликта эмоции, как правило, неустраимы, они являются обязательной частью вербального поведения его участников и могут выступать в сочетании разных форм эмоциональной репрезентации и переплетаться с элементами различных тактик кибербуллинга как сетевого воздействия. Образующиеся сложные коммуникативные ситуации требуют тщательного анализа и установления целей и интенций автора. Продемонстрируем сказанное случаями, в которых выделяются различные речевые приемы реализации указанных тактик.

В речевом поведении агрессоров – участников исследуемых коммуникативных ситуаций нами были выявлены следующие регулярно используемые приемы реализации тактик разжигания и поддержания конфликта.

Группа 1. «Забрасывание» комментариями общеагрессивного характера. Такой прием используется для реализации коммуникативных тактик хейта (хейтерства) и отчасти флуда (если количество описанных сообщений велико настолько, что предметные области обсуждения смещаются), астротурфинга:

– *А прививать человечество не сертифицированным препаратом это не преступление против человечества? Почитайте внимательно конституцию и Нюрнбергский договор!*

– *Сколько ещё детей вы должны умертвить своей вакциной, так же как и взрослые умирают, но огласки этому нет, все скрывается.*

– *Не подскажите тут поблизости хороший магазин оружия?*

– *Подожду, когда все вакцинированные подойдут, как-нибудь перекантуюсь.*

Нагнетание агрессии происходит за счет дублирования комментариев похожего содержания, оставленных разными пользователями, а также демонстрации сплоченности *антипрививочников*, которые вербально поддерживают и подбадривают друг друга, ставят «лайки» высказываниям друг друга. Тематически это комментарии, в которых эксплуатируется негативно-эмоциональная лексика общей семантики – концепты *фашизм, геноцид, убийство, теория заговора, жертва*, активизируются выражения из семантического поля *смерть* в сочетании с обвинениями в адрес врачей, ведущих разъяснительную работу о пользе вакцинации, и переносом на них ответственности за все негативные последствия пандемии и вакцинации. Весьма частотное использование противопоставлений *мы – они (вы)*, антиномий полярных ценностей *смерть – жизнь, благо – вред* и др. Обращает на себя внимание большое количество вопросительных конструкций (как риторических, так и смысловых), реже – восклицательных.

Пользователи, входящие в сетевое общение с установкой на конфликт, нередко провоцируют его, «вбрасывая» информацию, которая не согласуется с общим ходом обсуждения. При этом установка на «вброс» информации, как правило, предполагает усиление дискредитирующего содержания высказываний, а также формирует негативный эмоциональный фон общения, в котором инициатор конфликта открыто демонстрирует самоуверенность, презрение и агрессию: *Ну вот пойдете и сделаете новую вакцину. А остальные сами выбрали свой путь. Мне объяснять ничего не нужно. Свое хабальство и невежество оставьте для себя.*³

Группа 2. Инвективы – адресное использование обценной и другой лексики, специально предназначенной для вербального оскорбления оппонента: клеветнические / унижительные / оскорбительные высказывания, используемые при реализации тактик троллинга, астротурфинга, хейта, обвинения оппонентов в профессиональной и личной несостоятельности:

– *Тогда пойдите и посмотрите какие были последствия гриппов, прежде чем кукарекать;*

– *а почему Вы мне хамите? По Вашему блогу видно, что Вы мама, любите вино и писать посты, конкретно нет указания на Ваше медицинское образование или работу в институте вирусологии;*

– *Научитесь лечить людей! А то лечат от этого только 1–2 человека а остальные смотрят как святой дух поможет. А потом вакцины изобретайте! Что можно подумать когда лечить не умеют а вакцины создаёте! Обратите внимание уже на наши Поликлиники и тех кто там сидит;*

– *Блин онкологию и диабет лечить не могут, а вакцин нафигачили...;*

– *Это у вас умы заражены;*

– *Лишить бы эту кучку в попесвербящих неДодохторов лицензии! Разоблачители хреновы! ☹;*

³ Здесь и далее текстовые примеры приводятся в авторской редакции.

– Мерзки, пустой, глупый пост для тупого стада 😊👉👉👉👉 где вы находите подписчиков? Кто вас читает? Ни одного факта, ни одного... пустая болтовня.

Такие высказывания в первую очередь преследуют цель дискредитировать оппонента и одновременно – представить автора комментария более сведущим и, следовательно, более достойным доверия, чем оппонент, вследствие чего инициатор конфликта реализует свое поведение через ведение псевдодискуссии. Здесь также наблюдается высокий уровень взаимной поддержки агрессоров, что усиливает деструктивный фон общения. В переписке субъекты агрессивного поведения используют эмоциональный синтаксис, негативно-оценочные лексемы, стилистически сниженную лексику, противопоставления и выражения, подчеркивающие полярные оценки, единицы из семантических полей *глупость / ум, образованность / необразованность, компетентность / некомпетентность*.

Группа 3. Размытые инвективы – высказывания обобщенной семантики, обращенные непосредственно к владельцам аккаунтов и маскирующие истинные цели и истинных адресатов речи. Описываемые приемы согласуются с целями провокативных речевых действий, оскорблений и унижений, используются при осуществлении троллинга, флейма, хейта:

- *Когда вы мрази нажрётесь;*
- *Ск@ты;*
- *Горите в аду, твари!;*
- *Вы чё несёте д@бил#???*;
- *Ну, это вообще, ну уж слов нет. Ай, да вирус, ай да продуман. Вы в край ох**, Даша. Уб**ство.*

Данные средства предполагают ухудшение эмоционального состояния оппонента. В ходе коммуникации теряется конструктивность беседы, широко используется стилистически сниженная, обценная лексика, эмоциональный синтаксис, субъективная негативная оценка крайней степени интенсивности, возможны обращения к сторонним силам или их упоминание, вербализация проклятий, синтаксис становится упрощенным и прерывистым за счет парцелляции, присоединительных конструкций.

Группа 4. Злопожелания – высказывания с семантикой негативного пожелания (негативных событий, результатов, состояний), адресованные оппоненту. Это приемы хейта, провокации, отчасти – троллинга. Для злопожеланий свойственны использование средств эмоционального синтаксиса, грубой, обценной лексики, приемов противопоставления полярных эмоционально значимых ценностей (жизнь и здоровье адресата и его близких), употребление лексических единиц из таких семантических групп, как *жизнь, смерть, семья* и др.; они характеризуются императивностью, ироничностью (в том числе выраженной невербально – с помощью эмодзи и иных знаков), саркастичностью.

Злопожелания предполагают более или менее прямое указание на те беды, который должны настичь адресата в качестве наказания / возмездия, поэтому наиболее частотны в конфликтогенной переписке пожелания смерти или болезни, адресованные оппоненту и / или его близким:

- *сдохни тварь;*
- *правильно, мертвые не болеют) удачи папе, пусть не болеет);*
- *Заболеть тебе.*

В этом контексте пожелания / побуждения вакцинироваться приобретают иронический смысл и расцениваются адресантом как кара:

– *Какая замечательная девушка! Так всё разумно и остро расписала ... лучше и не скажешь! Молодец!!! Так держать, главное не сдавайся, продолжай в том же духе и как можно больше единомышленников чтобы подписалось на этот аккаунт и ОБЯЗАТЕЛЬНО НАДО ВСЕМ СДЕЛАТЬ вакцину!!! И не одну! Только обязательно 🙏 пожалуйста, вакцинируйтесь все уже скорее!!!);*

– *Это у вас умы заражены, своих детей и внуков вакцинируйте и сами тоже.*

Обращенное к оппоненту пожелание / побуждение вакцинироваться также часто встречается отдельно как злопожелание общего характера:

- *Засуньте вы себе эту вакцину куда поглубже☺);*
- *Фашисты валите на острова и колите друг другу там что хотите.;*
- *вашу вакцину себе вкалите в *опу;*
- *Себя уколи;*
- *Пей ее если темпы тебе вакцинации увеличить надо;*
- *Уколись тв.рь сама;*
- *В себя уколи за нас за всех.*

Несомненная цель таких высказываний – ухудшение эмоционального состояния оппонента.

Группа 5. Бранные инвективы – выражение отрицательного эмоционального отношения к предмету речи (вакцинации), высказанные в предельно экспрессивной форме:

– *Зал** вам а не вакцинация!!! Спасибо за внимание;*

– *Хрен вамм а не мои дети. сколько людей поумирало от этой вакцины. нас просто истребляют;*

– *Х** вам а не прививка для моего ребёнка;*

– *Да пошли вы все в одно место с вакциной, залейте ее себе в рот;*

– *Идите на х** со своей вакцинацией🙏);*

– *Уеданы вы ** получите а не прививку детей;*

– *родители, которые дружат с головой не дадут согласие колоть своих детей шмурдяком, который даже толком испытания не прошёл в течении нескольких лет. Дети так осенью начинает болеть часто, как и в другие времена года, кстати. Так что нех** на корону все спихивать. Х** вам, чтоб голова не качалась! Вакцина у них на подходе! На подходе ваше время в ад, черти!*

Группа 6. Угрозы – высказывания, содержащие указание на негативные перспективы, которые последуют при невыполнении оппонентом условий, желательных для говорящего; здесь же следует отметить угрозу разрыва контакта (удаления оппонента из общей сферы коммуникации или же добровольного самоудаления автора в знак неприятия позиции оппонента).

По свидетельству владельцев аккаунтов, в директ регулярно направляется большое количество негативных сообщений угрожающего характера, а иногда и свидетельства осуществленной угрозы (например, рассказ о взломе аккаунта, с которого была распространена ложная новость о тяжелой болезни родственника, смонтировано видео, на котором он якобы находился в реанимации, как доказательство неэффективности вакцинации).

Другой вид угрозы – демонстративный выход из конфликта посредством заявления о желании отписаться от аккаунта – иллюстрируется следующими примерами:

– *Отписка за высмеивания, за эту казалось бы маленькую ложь! Все больше и больше убеждаюсь, что люди «зомби», понятно почему карантинные условия стали нормой, Баранов не переучишь!;*

– *Эти твари сделают так, нет вакцины, нет школы, вот и думаю, мой ребенок когда вырастет, в школу не впустят. Хватит надоело, буду от вас и вам подобных отписываться.*

Группа 7. Обвинения – высказывания, в которых жертвой выступает сам автор, а его оппоненты и внешние силы объявляются источником негативного воздействия на его сторонников. Например, обвинение адресата в недостаточной деликатности в вопросе использования номинации *антипрививочники* по отношению к лицам, занимающим противоположную позицию:

– *Хорошо, конечно, что вполне доходчиво отработали часто встречающиеся вопросы и возражения. Но подача весьма оскорбительная. В статье явно прослеживается не желание «просветить», и «наставить на путь истинный», помочь разобраться в вопросе с научной стороны, а желание «обо*ть» инакомыслящих и поглумиться над этим с единомышленниками. Может и дела с иммунизацией обстояли бы иначе, если бы не подача в стиле «идиоты и мракобесы». Понятно, что алгоритмы инсты требуют «движка» на странице, а в борьбе за комментами, просмотрами и лайками все средства хороши, но резкость высказываний порой зашкаливает и вызывает справедливое негодование;*

– *на одном языке у нас никак не получится говорить, ибо я по-быдлянски не обучена. вы весьма виртуозно «обкладываете» людей в своих постах, в том числе и матом, вместо того, чтобы постараться устранить все сомнения у думающих и сомневающихся...мне так не упасть;*

– *проплаченная дура. привилась, молодец! Но свою пропагандист и термин Антипрививочники оставь при себе!*

Заключение

Рассмотренные в статье формы деструктивной коммуникации направлены на разжигание конфликта или являются следствием уже существующих конфликтных отношений между участниками виртуального общения. Они становятся инструментами дополненной реальности, расширяющими возможности и виды взаимодействия между конфликтующими сторонами, но в то же время требующими готовности пользователей к восприятию нового типа конфликтного контента, предполагающего увеличение объема негативной информации; возрастание ее плотности; усиление эмоционального воздействия, усугубляющего состояние коммуникантов и способствующего нагнетанию речевой агрессии; снижение роли невербальных и паралингвистических средств, которые не компенсируются полностью визуальными знаками эмодикона [Ионова, 2006; 2016].

Обращение к заявленной теме обусловлено недостаточной изученностью лингвистических аспектов кибербуллинга в научной литературе. Получение наиболее полной картины конфликтных коммуникативных тактик, функционирующих в пространстве сетевого общения, позволяет в перспективе разработать меры, обеспечивающие снижение уровня сетевой агрессии, предложить стратегии противодействия кибербуллингу и другим видам направленного речевого воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян, В. Ю. ИмPLICITная агрессия в языке / В. Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 3 Междунар. конф. «Диалог 2003». – Москва: Флинта-Наука, 2003. – С. 32–35.

Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – Москва: Изд-во КД «Либроком», 2009. – 320 с.

Василькова, В. В. Социальные боты как инструмент развития гражданского участия / В. В. Васильков, Н. И. Легостаева, В. Б. Радусhevский // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 19–42.

Внебрачных, Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах / Р. А. Внебрачных // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2012. – Вып. 1. – С. 48–51.

Волкова, Я. А. Деструктивное общение: к определению понятия / Я. А. Волкова // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 205–209.

Головин, С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 301 с.

Дягилева, И. Б. Исторические параллели: от холеры XIX века к коронабесию / И. Б. Дягилева // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 307–321.

Ефремов, В. А. Наивная лингвистика в интернете: культура речи / В. А. Ефремов // Актуальные проблемы стилистики. – 2020. – № 6. – Москва: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020. – С. 129–135.

Ефремов, В. А. Язык вражды: ковидный извод / В. А. Ефремов // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург. – 2021. – С. 254–264.

Ионова, С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф.т дис. ... д-ра филол. наук / С. В. Ионова. – Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2006. – 42 с.

Ионова, С. В. Лингвистика нового языкового сознания и информационных технологий / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 3. – С. 6–16.

Корнев, М. Digital-агрессия: что делать и кто виноват? / М. Корнев // Сборник статей и материалов к научно-практической конференции. Под ред. М. С. Корнева. – Москва: Институт Массмедиа РГГУ, Факультет Журналистики. – 2015. – С. 7–14.

Лисенкова, А. А. Реальные угрозы виртуальной агрессии / А. А. Лисенкова // Публичная политика. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 172–180.

Петрова, М. Ю. Вербальный конфликт: стадии протекания и коммуникативные особенности / М. Ю. Петрова // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. – Москва: Флинта, 2021. – С. 582–591.

Рубинштейн, С. Л. Эмоции / С. Л. Рубинштейн // Психология эмоций. – Москва: Изд-во МГУ, 1984. – С. 152–161.

Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности [Пер. с нем. Э. Телятниковой] / Э. Фромм. – Москва: АСТ, 2004. – 635 с.

Abu Bakar, H. S., Yusof, N., Budiman, A. M. The Paradigm Model of Cyberbullying Phenomenon / H. S. Abu Bakar, N. Yusof, A. M. Budiman // GSTF International Journal on Media & Communications(JMC). – Vol.1 – No.1. March 2013.

Bamford, A. Cyber-Bullying. AHISA Pastoral Care National Conference / A. Bamford. – Melbourne, Australia. 2004. – Retrieved from <http://esvc001031.wic014u.serverweb.com/documents/conferences/PCC2004/bamford.pdf>.

Beran, T., Li, Q. Cyberharassment: A study of a new method for an old behavior / T. Beran, Q. Li. – Educational Computing Research. – 2005. № 32 (3). – Pp. 265–277.

Hinduja, S. Cyberbullying / S. Hinduja. – 2008. – Retrieved from <https://knol.google.com/k/sameerhinduja/cyberbullying/3adcr128mv95i/2>.

Hinduja, S., Patchin, J. W. Bullying beyond the schoolyard: Preventing and responding to cyberbullying/ S. Hinduja, J. W. Patchin. – 2009. – Thousand Oaks, CA: Sage. – Pp. 89–112.

Nocentini, A., Calmaestra, J., Schultze-Krumbholz, A., Scheithauer, H., Ortega, R., Menesini, E. Cyberbullying: Labels, Behaviours and Definition in Three European Countries / A. Nocentini, J. Calmaestra, A. Schultze-Krumbholz, H. Scheithauer, R. Ortega, E. Menesini // Australian Journal of Guidance & Counselling. – 2010. – Volume 20. – Number 2.

Patchin, J. W., Hinduja, S. Bullies move beyond the schoolyard a preliminary look at cyberbullying / J. W. Patchin, S. Hinduja // *Youth Violence and Juvenile Justice*. – 2006. – № 4 (2). – Pp. 148–169.

REFERENCES

Apresyan, V. Yu. Implicitnaya agressiya v yazyke / V. Yu. Apresyan // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. 3 Mezhdunar. konf. «Dialog 2003». – Moskva: Flinta-Nauka, 2003. – S. 32–35.

Borisova, I. N. Russkij razgovornyj dialog: struktura i dinamika / I. N. Borisova. – Moskva: Izd-vo KD «LIBROKOM», 2009. – 320 s.

Dyagileva, I. B. Istoricheskie paralleli: ot holery XIX veka k koronabesiyu / I. B. Dyagileva // *Russkij yazyk koronavirusnoj epohi*. – Sankt-Peterburg, 2021. – S. 307–321.

Efremov, V. A. Naivnaya lingvistika v internete: kul'tura rechi / V. A. Efremov // *Aktual'nye problemy stilistiki*. № 6. – Moskva, Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova. 2020. – S. 129–135.

Efremov, V. A. Yazyk vrazhdy: kovidnyj izvod / V. A. Efremov // *Russkij yazyk koronavirusnoj epohi*. – Sankt-Peterburg, 2021. – S. 254–264.

Fromm, E. Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti [Per. s nem. E. Telyatnikovoj]. – Moscow: AST, 2004. – 635 s.

Golovin, S. Yu. Slovar' prakticheskogo psihologa / S. Yu. Golovin. – Minsk: Harvest, 1998. – 301 s.

Ionova, S. V. Approksimaciya sodержaniya vtorichnyh tekstov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / S. V. Ionova. – Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006. – 42 s.

Ionova, S. V. Lingvistika novogo yazykovogo soznaniya i informacionnyh tekhnologij / S. V. Ionova // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 2: Yazykoznanie. – 2016. T. 15. – № 3. – S. 6–16.

Kornev, M. Digital-agressiya: chto delat' i kto vinovat? / M. Kornev // *Sbornik statej i materialov k nauchno-prakticheskoi konferencii*. Pod red. M. S. Korneva. – Moskva: Institut Massmedia RGGU, Fakul'tet ZHurnalistiki. – 2015. – S. 7–14.

Lisenkova, A. A. Real'nye ugrozy virtual'noj agressii / A. A. Lisenkova // *Publichnaya politika*. – 2019. T. 3. – № 1. – S. 172–180.

Petrova, M. Yu. Verbal'nyj konflikt: stadii protekaniya i kommunikativnye osobennosti / M. Yu. Petrova // *Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: nacional'noe i internacional'noe*. – Moskva: Flinta, 2021. – S. 582–591.

Rubinshtejn, S. L. Emocii / S. L. Rubinshtejn // *Psihologiya emocij*. – Moskva: Izd-vo MGU, 1984. – S. 152–161.

Vasil'kova, V. V. Social'nye boty kak instrument razvitiya grazhdanskogo uchastiya / V. V. Vasil'kova, N. I. Legostaeva, V. B. Radushevskij // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. – 2019. – № 5. – S. 19–42.

Vnebrachnyh, R.A. Trolling kak forma social'noj agressii v virtual'nyh soobshchestvah / R.A. Vnebrachnyh // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Psihologiya. Pedagogika. – Izhevsk: Udmurtskij gosudarstvennyj universitet, 2012. Vyp. 1. – S. 48–51.

Volkova, Ya.A. Destruktivnoe obshchenie: k opredeleniyu ponyatiya / Ya.A. Volkova // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2, YAzykoznanie. – 2012. – N 2 (16). – S. 205–209.

Abu Bakar H.S., Yusof N., Budiman A.M. The Paradigm Model of Cyberbullying Phenomenon // GSTF International Journal on Media & Communications(JMC). – Vol.1. – No.1. March 2013.

Bamford. A. Cyber-Bullying. AHISA Pastoral Care National Conference. Melbourne, Australia. – 2004. Retrieved from <http://esvc001031.wic014u.serverweb.com/documents/conferences/PCC2004/bamford.pdf>.

Beran, T., Li Q. Cyberharassment: A study of a new method for an old behavior. Educational Computing Research. – 2005. – 32(3). – Pp. 265–277.

Hinduja, S. Cyberbullying. 2008. Retrieved from <https://knol.google.com/k/sameerhinduja/cyberbullying/3adcr128mv95i/2>.

Hinduja, S., Patchin, J.W. Bullying beyond the schoolyard: Preventing and responding to cyberbullying. 2009. Thousand Oaks, CA: Sage. Pp. 89–112.

Nocentini A., Calmaestra J., Schultze-Krumbholz A., Scheithauer H., Ortega R., Menesini E. Cyberbullying: Labels, Behaviours and Definition in Three European Countries // Australian Journal of Guidance & Counselling. Volume 20. Number 2. 2010.

Patchin J.W., Hinduja S. Bullies move beyond the schoolyard a preliminary look at cyberbullying. Youth Violence and Juvenile Justice. 2006. 4(2). Pp. 148–169.